

Р. П. Чернов

О ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ

ЛЮДОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Рустам Чернов

**О презумпции невиновности.
Людологический обзор**

«Издательские решения»

Чернов Р. П.

О презумпции невиновности. Людологический обзор /
Р. П. Чернов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938237-5

В настоящей работе проанализирован важнейший принцип уголовного процесса — презумпция невиновности. Автор приходит к выводу об имманентности бытия предположения о невиновности привлекаемого к суду лица, вне зависимости от субъективных факторов (признание вины, очевидность обвинения) в связи с тем, что суд выступает специальной дуалистической формой познания особой реальности (преступление). Судебное же познание в отсутствии обеспечения презумпции невиновности носит заведомо ложный характер.

ISBN 978-5-44-938237-5

© Чернов Р. П.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

О презумпции невиновности Людологический обзор

Рустам Павлович Чернов

*Дело в том, что все судопроизводство является тайной не только
для общественности, но и для самого обвиняемого.*

Франц Кафка, «Процесс»¹

Иллюстратор Микеланджело Меризи (Караваджо)

© Рустам Павлович Чернов, 2020

© Микеланджело Меризи (Караваджо), иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4493-8237-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Шарль Монтескье был совершенно прав, когда отметил, что нет для общества более важных и интересных законов, чем законы уголовные. Центральным институтом уголовно-правовых отношений, уголовно-процессуальных отношений является принцип презумпции невиновности. По его наличию, или отсутствию судят о степени правового содержания в уголовно-процессуальном законе, а по тому, как он исполняется о политико-правовом режиме в государстве.

Презумпция невиновности – то, что противостоит уголовной репрессии как достаточное основание для констатации ее справедливости, совершенно точно можно сказать, что презумпция невиновности – имманентность любого уголовного преследования с точки зрения современного представления о надлежащем правосудии.

В то же время сегодня утрачено понимание природы, сущности данного института. Он сведен к правовой традиции, элементу модели правосудия. Это порождает условность восприятия презумпции невиновности и ее усеченное законодательное закрепление по типу ст. 14 УПК РФ. Не вполне ясное представление о презумпции невиновности сводит сегодня ее бытие к *предположению* обвиняемого невиновным. Как видим, здесь законодатель не углубился в понимание сущности данного института далее словаря иностранных слов (лат. *praesumptio* – предположение, *praesumptio boni viri*), хотя по другим вопросам отправления уголовного процесса создается фактически мета – язык смыслов, не доступных для восприятия с точки зрения самой языковой парадигмы правоприменителей. Пояснения самих участников уголовного процесса, а так же представителей судейского сообщества, как правило, сводятся, либо к озвучиванию норм – императивов (обвинительный приговор и предположения, сомнения в пользу обвиняемого, трансформация в право на защиту, состязательность, бремя доказывания стороны обвинения, бремя опровержения доказательства, добытого, по мнению стороны, с нарушением Уголовно-процессуального закона), либо к рассуждениям об охранительной функции государства, объективном вменении, защите прав человека и прочее. С учетом того, что юридическая наука, не являясь источником ныне действующей модели юстиции, функционирует больше как оправдание существующего положения вещей, нежели выполняя функции пропедевтики, такие рассуждения практиков (а их мнение наиболее ценно) только усиливают неясность. Казалось бы с учетом, того, что данный институт существует в форме закона недавно (Декларация прав человека и гражданина, Франция 1789 г) данное обстоятельство не должно смущать настолько, чтобы говорить о нем как о трагедии современности. Вместе с тем, за последние 300 лет сфера уголовной юстиции западной цивилизации претерпела существенные изменения. Если ранее преступление было прежде всего аморальным деянием, то сегодня данный признак (который был так и не назван законодателем) полностью утрачен по большинству составов преступлений, фигурирующих в статистических данных. Аморальность преступления ранее – это как собственный глаз, который невозможно увидеть без чего-либо отражающего. Аморальность преступления сегодня – ширма, за которой прячется соперничество неудачи, привлекаемого к суду. Данное положение вещей является продуктом расширения объектов уголовной репрессии в отношении политических, управленческих отношений в обществе. Современное государство западного типа широко использует уголовную репрессию именно как рычаг управления социальными процессами, их структурирования. Охранительная функция уголовного закона уходит на второй план. Цели правосудия вообще законодательно не сформулированы и не осмыслены. Применительно к России ситуация в несколько раз актуальнее в связи с упразднением в УПК РФ объективной истины по делу как цели уголовного судопроизводства. В свете различных оснований к возбуждению уголовного дела (признаки преступления) и его прекращению (отсутствие в действиях лица состава преступления)

презумпция невиновности становится чуть ли не единственным механизмом, который должен был бы гарантировать вменяемость судопроизводства, но этого не происходит. Уголовная репрессия превращается в инструмент, в *аргумент доказывания правоты* государства, реализуя в полной мере представление о том, что у государства право силы, а у гражданского общества – сила права. Но без понимания сущности (природы) такого правового института, как презумпция невиновности о какой силе права можно вести речь?

Сущность есть форма неизменности бытия явления, утрата или изменение которой означает изменение бытия, лежащего в основе сходства и различия. Исследовать сущность – это означает установить в явлении такой набор признаков, «маяков» познания, восприятие которых позволяет демаскировать любые причуды и заблуждения разума, установив наличие или отсутствие бытия исследуемого явления. И, если согласно классическому пониманию, сущностью является такой набор свойств и качеств, бытие которого неизменно и служит основанием для отличия одного предмета познания от другого, то в отношении мира предметов и вещей все весьма просто – сущность познается через функциональность и весь тот тезаурус возможного использования, который не вступает в противоречие с целевым предназначением исследуемого. В отношении форм деятельности человека, не связанных с формированием материального результата, вопрос о сущности намного сложнее. Анализ приобретает структурный характер и наши представления о сущности исследуемого зависят всецело от метода исследования, который во многом определяет целевое назначение исследования.

Применительно к любым когнитивным системам (правосудие не исключение) исследование сущности предмета является глубоко субъективным процессом, ценность, результат которого во многом носит конвенциональный характер. В XX веке это стало совершенно очевидным для методологов научного знания², но для юридической науки в области влияния ее положений на правоприменительную деятельность это до сих пор остается не очевидным. Определяющей парадигмой гуманитарного знания до сих пор выступает методология Стагирита (Аристотель). Презумпция невиновности и связанные с ней методологические вопросы ближе всего связаны с характеристикой проблемы *энтелехии бытия* у Аристотеля: пока есть становление – нет ставшего, когда есть ставшее – нет становления. В отношении презумпции невиновности (при обвинительном варианте, соответственно): пока лицо подозревают, привлекают к ответственности, разрешают дело нет *виновного*, когда вступает в силу определение кассационной инстанции (кассационное определение – по провозглашению – ст. 391 ч. 4 УПК РФ) – уже нет *невиновного*. Какое – то мгновение, закончено чтение определения, приговор вступил в законную силу и все – парадигма бытия схлопнулась и устранен целый комплекс правоотношений (какой – нам еще предстоит выяснить), связанных с действием презумпции невиновности. Мы имеем перед собой не добропорядочного гражданина, а преступника, лицу, которому будет на законном основании причинено систематическое страдание, вплоть до лишения жизни. Вот этот момент перехода одного бытия в ничто, в другое состояние и является камнем преткновения любой общей предельной методологии познания и продуцирует в свою очередь проблемы сомнения в бытийности того или иного явления, попадающего в поле энтелехии, а тем более управляемой энтелехии (уголовное судопроизводство – однозначно сознательно управляемый процесс сегодня). Для презумпции невиновности это сомнения в том существует ли она как действительность, или же является формой условности, правилом приличия. В этом ключе большинство претензий к уголовному процессу и его принципам приобретают именно философский характер претензий к определению бытия вообще.

² См. об этом интереснейший очерк о парадигмах науки и границах достоверности знания Томаса Куна «Структура научных революций»/ изд. «Аст Москва», 2009г.

Если презумпция невиновности продуцирует бытие невиновного, то каково это бытие, кто является его носителем, где данная парадигма бытия начинается и где заканчивается, каковы ее формы конкурирования с бытием виновного? Да и что вообще значит презумпция невиновности практически, если наказание не предусматривает в конечном счете ни конфискацию, ни смертную казнь, ни поражение в правах, а предел санкции упирается в рамки уже отбытого во время следствия и суда? Есть еще множество «но», сумма их приводит нас к пониманию презумпции невиновности, как все же нормы – принципа, не более того. Признать данное положение вещей удовлетворительным не представляется возможным, так как институт презумпции невиновности реализует в ожиданиях и представлениях привлекаемых к ответственности самые странные стороны человеческого характера (абсолютизация надежды и веры). Точнее было бы сказать, что для правоприменителя он не дает ничего, а вот в умах привлекаемого к уголовной ответственности он получает обширную параноидальную реализацию.

Принцип презумпции невиновности действительно выглядит странно, как в части своего законодательного выражения, так и в части применения. Начнем с самого простого. Кто пользуется презумпцией невиновности? Согласно действующему УПК РФ – это обвиняемый. Таким образом, это не подозреваемый, и не лица фигурирующие в рамках Оперативных дел. Презумпция невиновности и презумпция добропорядочности, получается, разные вещи. Разные именно в силу процессуального аспекта, презумпция невиновности – это процессуальное выражение презумпции добропорядочности. Для судьи, который принимает решение, это вообще вопрос философский, так как вынесение им суждения в процессе судебного следствия, до постановления приговора, является уничтожением презумпции невиновности в рамках сознания одного субъекта познания, тоже самое и в отношении приговора. Сам по себе приговор, вынесенный по делу, не является свидетельством уничтожения презумпции невиновности формально, так как он не вступил в законную силу. С другой стороны, защитник и осужденный могут не подать кассационную жалобу и тогда приговор по истечении срока обжалования вступит в законную силу и действие презумпции невиновности будет прекращено. Вопрос, – а было ли оно вообще, именно *действие*? В чем оно выражается, кроме того, что «обвиняемый считается невиновным», кем считается? В какой момент считается? Какие юридические изменения происходят в зависимости от того считается он невиновным или нет? Следует отметить, что проблематика презумпции невиновности напрямую увязана с понятием знания в юриспруденции. Является ли знание юридическим фактом? С одной стороны, – безусловно (прямой умысел, пропуск срока исковой давности и его восстановление с момента, когда лицо узнало о том, что его права нарушены) и в то же время знание само по себе является областью мысли и поэтому не подлежит правовому регулированию. Праву знание, мысль, интересны только в активной части выражения, осуществления (энтелехии), когда лицо, например, *осознает*, а еще лучше *осознает и руководит* (критерии достаточные для констатации абсолютной вменяемости). В противном случае само по себе знание в форме бытия идеи, мысли (бытия в возможности) праву неинтересны. Лицо вообще интересно праву с точки зрения его действий, – такова была доктрина Фридриха Энгельса и Карла Маркса. Но современность тем и уникальна с точки зрения познания, что сегодня впервые в рамках уголовного права и уголовного процесса мы имеем предельность действия (Уголовный закон – негативная предельность воздействия государства на человека) в сопряжении с предельностью познания (Уголовный процесс как активная форма познания). Сегодня предполагается, что все лица, активно участвующие в отправлении правосудия не знают и не могут знать виновно лицо или нет, иначе они были бы очевидцами совершенного и не могли бы принимать участие в судопроизводстве. Единственным исключением является фигура потерпевшего, который может быть и очевидцем и активным участником процесса (не выводятся из зала суда перед допросом, пользуется равными правами как сторона обвинения по смыслу закона, но на деле поражен в процессу-

альном статусе). Для остальных участников точное знание виновно лицо или невиновно находится за гранью их осведомленности.

Чем дальше мы будем углубляться в эти вопросы, тем быстрее мы поймем, что правосудие является по определению отдельной формой реальности, к которой с трудом применимо высказывание Гегеля о том, что все действительное разумно, а все разумное действительно, правосудие в этом отношении, при усилении политического режима наоборот может сделать так, что все разумное будет в рамках уголовного процесса недействительным, а все действительное – неразумным.

Уголовное дело в суде – это всегда столкновение представлений подсудимого, обвинения, защиты, потерпевшего, суда, сторонних наблюдателей о том, как должно быть. Указанные представления являются по сути бытием в возможности в парадигме, образующей вышеназванные статусы. Презумпция невиновности касается только подсудимого. Если нам согласиться с тем, что она есть условность и всего лишь дань называнию лица в процессе, то тогда вопрос нашей работы исчерпан. Но все же в такой трактовке остается что-то такое, с чем согласиться нельзя, но, что логически устанавливается весьма плохо и являет собой противоречия, описанные выше. Списать все на то, что так устроен мир и презумпция невиновности всего лишь условность правосудия, как – то не хочется, видеть в ее сущности «бонус» процедуры осуждения – неприятно. Поскольку реализация презумпции невиновности все же носит характеристику энтелехии, предлагаю исследовать ее как явление, существующее вполне реально и уже отсюда, может быть, вернуться к формально- юридическому пониманию.

2

Энтелехия, как форма осуществления, впервые была описана Аристотелем в «Метафизике». По Аристотелю, мир представлен как *бытие в возможности*, являющимся бытием мысли, и *бытием в действительности*, областью доступной чувственному восприятию. Бытие мысли непосредственно усматривается исключительно самим субъектом мыслительной деятельности. Наличие мысли вне собственного мышления – лишь предположение. Смелое высказывание, неправда ли? Повседневность учит совершенно обратному. Окружающий нас мир – это сплошные опредмеченные мысли, любой наш контакт с другим человеком – это сопряжение мыслительной функции и, вдруг, – мысль лишь то, что может быть усмотрено только одним человеком и только в отношении самого себя! Но, что, собственно, свидетельствует об обратном? Где мы можем усмотреть мысль вне формы ее выражения и истолкования? Мысль как мысль? Мысль о мысли – уже философия. Язык – форма выражения. Мимика – форма выражения. Именно такие тезы лежали в основе Ренессанса, утвердившего устами Рене Декарта – *cogito ergo sum*, того самого Возрождения, которое привело к Великому просвещению, буржуазным революциям, а они в 1789г к Декларации прав человека и гражданина, утвердившей презумпцию невиновности как требование закона к уголовному судопроизводству. Мыслить – значит существовать, мыслить значит обретать бытие, бытие – есть мысль. Рене Декарт, рассмотревший в отношении себя весь мир как форму сомнения единственное пришел к тому, что не может отрицать и сомневаться только в способности своего мышления, своей мысли и ее положил в основу бытия. Неправда ли, логическая ошибка видна невооруженным глазом? К чему это привело Великое просвещение? Все, что возможно было помыслить и все, что возможно было утверждать в области мысли стали полагать необходимо действительным. Ведь мысль не существует вне бытия, а бытие вне мысли. Невозможно помыслить себе что-то не существующее, и наоборот, то, что нами не воспринимается то и не существует. Появляется благодаря Королевскому научному обществу целая парадигма формы познания, которая в дальнейшем получит название науки. Люди научаются видеть и опознавать то, что недоступно обычному глазу – микроскопы, телескопы, электричество. Мир мысли раздвигается Великим просвещением настолько, что обеспечивает развитие области действительного на столетия вперед. Как пример, – бинарная математическая модель Ньютона, которая получила свое практическое воплощение в 1944 году в форме первой Электронной вычислительной машины (ЭВМ), позволившей британской разведке дешифровать сообщения противника. А вот еще лучше: «Существенной составной Манхэттенского проекта, например, как и производства *атомных бомб* вообще, является газодиффузионный „закон Грехэма“, открытый шотландским химиком в 1829 г».³ Человек становится областью социального эксперимента, человечество – лабораторией, где вооруженный научным знанием пытается повторить эксперименты Бога. Не забудем, в основе создания Богом мира, согласно Священному писанию, которое в то время изучалось в каждой школе, лежит *пари* Бога с Дьяволом относительно сущности человека, именно на это безуспешно пытался обратить внимание Гёте в «Фаусте», Иммануил Кант в своем категориальном императиве. Только человеку решать какую сторону выбрать.

Великие Просветители задумывали новый социум, новый мир и писали его, мыслили о нем в полной уверенности достоверности возможности его реализации. А с учетом уважения к закону того времени, казалось, что стоит дорваться до политической власти, утверждающей этот закон и обеспечивающей его силой оружия, налогов и репрессивного аппарата, вписать в законодательство правильные вещи, и мир изменится. Таков генезис презумпции невинов-

³ Петров М. К. «Самосознание и научное творчество» – Ростов н/Д.: издательство Ростовского университета 1992г, стр. 141

ности. Правда был еще Данте и его «благими намерениями вымощена дорога в ад», но революционеры не ориентируются на поэзию.

Итак, мысль как бытийность в Великом Просвещении переоткрыла нам Аристотеля, возродила его. Но обращаясь к первоисточнику, отметим, что Стагирит все же был понят не совсем правильно. «Все вещи были вместе в возможности, а в действительности же – нет» («Метафизика», 1069 в).

Категории бытия в возможности противостоит категория бытия в действительности. И если в области мысли возможно все, то в области действительности не может быть такого, чтобы в одно и то же время в одном и том же месте, что – то существовало и не существовало. Стагирит убедителен: если в области мысли «все ложно», то это не так, так как, если предположить, что утверждение «все ложно» истинно, то и утверждение о том, что «все ложно» истинно – ложно. Если предположить, что «все истинно», то тогда утверждение о том, что «все истинно» – ложно, так же является истинным. Поразвлекавшись с апориями (позже пять же в Великое Просвещение названных Гоклениусом антиномиями, 1613 г) Стагирит делает простой вывод – в области мысли, в бытии в возможности вещи могут быть присущи множества противоречий, каждое из которых будет казаться истинным, но только в области бытия в действительности противоречия снимаются, формируется однозначность, упорядоченность. Если мы присмотримся еще внимательнее, то увидим, что антиномии, расцвеченные Кантом в области «вещи в себе» (или «вещи самой по себе» – кто, как немецкий понимает) к противопоставлению опытного знания (*a priori* vs *a posteriori*) – это субъектная теза, где областью бытия антиномии является исключительно область бытия познания, бытия в возможности, бытия мысли, которая, как мы уже знаем, доступна, только *индивидууму самому по себе*. Таким образом, в области не мысли, а в области бытия в действительности нет ни «вещей в себе», ни области познания мысли как мысли, а только через формы выражения мысли (вещь в себе таким образом – это чистая мысль без ее носителя – субъекта, что есть фикция). Противостояние области мысли и действительного, противостояние идеального и реального, идеализм и материализм, таким образом, это всегда противостояние *индивидуального* и *общественного*. Не напоминает ли Вам это уголовный процесс, как Гегелю, который видел в преступлении – акт отрицания индивидуальной волей воли объективной, выраженной в праве, как коллективном носителе воли всех?

Итак, бытие в действительности. Что противостоит мысли? Что является ее противоположностью? Что является, вынесенным за пределы человека таким образом, что может быть им отринуто от себя, как Рене Декартом? Сразу представляется нечто объектное, существующее в отношении собственности бытийного, не правда ли? Но именно такое восприятие порождает путаницу, которую так безуспешно пытался решить Бертран Рассел герменевтическим анализом. Бытие в действительности как область бытия доступного чувственному восприятию начинается с собственности тела. Какое все это имеет отношение к юриспруденции? Самое непосредственное в силу того, что вся юриспруденция и закон в частности возникают из необходимости сопряжения в области действительного двух субъектов, один из которых непосредственно чувствует, а другой исключительно созерцает, не участвуя в области чувственного. Звучит загадочно, если ограничиться вышеприведенной методологией познания.

Обращаясь к *людологической школе* познания, обнаруживаем, что бытие существует не в области мысли и не в области чувственного, что нет ничего только мыслимого или только чувствуемого. Обнаруживаем, что *бытие не существует вне области мысли, а мысль не существует вне области бытия*. Бытие возможно исключительно как сопряжение бытия в возможности и бытия в действительности. Именно благодаря устойчивости такого сопряжения оно названо *парадигмой бытия* (ранее – людологическая парадигма бытия). Таким образом, в каждом предмете анализа в достаточной степени присутствует и область бытия в возможности, и область бытия в действительности. Благодаря наличию бытия в возможности мы

можем проникать в суть вещи, явления, приобщаться к ней, идентифицировать ее, в том числе при внесоциальном происхождении (природа). Заимствуя бытие в возможности, мы можем его копировать, подражать, воспроизводить. Благодаря бытию в действительности мы можем использовать, уничтожать, противостоять, избегать, действовать. Энтелехия – это переход бытия в возможности в область бытия в действительности, так как в области мысли *только кажется*, что что – то существуют, а в области действительности – *уже существует*. Самые знаменитое по этому поводу высказывания: пока есть человек – нет смерти, когда есть смерть – уже нет человека (Эпикур), ни одна вечность не длится дольше жизни человека (Альбер Камю). Энтелехия – это всегда процесс.

Подсудимому в суде только кажется, что его осудят или оправдают, а при вступлении приговора в законную силу (момент по провозглашении определения кассационной инстанции или истечение срока для обжалования приговора) его уже осудили или оправдали. Есть, конечно, надзорная инстанция и нет *четкого запрета* обжаловать оправдательные приговоры, но сейчас не об этом.

Следует отметить, что право, правоприменение, юриспруденция после Великого просвещения считались, в последние 200 лет, благодаря высказываниям Канта и Гегеля, той областью обычной жизни, для которой философское знание не представляет ни ценности, ни пользы.⁴ Это следствие во многом того, что в то время такие вещи как равенство всех перед законом и судом, избираемость монарха, конституционный суд, невозможность легально откупиться от уголовного преследования, а равно изжитие института дуэли и кровной мести были, как сегодня покупка турпутевки на Марс – мыслимыми, но далекими во временном отношении вещами. Правосудие считалось делом естественным, разделение властей еще не дискредитировало судебную власть, уважение к ней сохранялось всецело.⁵

---

⁴ В 1817 г в «Энциклопедии философских наук» Георг Вильгельм Фридрих Гегель в частности справедливо, вторя Канту, отмечал: «Мыслить, как полагают, может всякий и без помощи логики, подобно тому как мы можем переваривать пищу, не изучая физиологии» (Энциклопедия философских наук. М., 1975г., Т 1., стр. 110).

⁵ См. об этом исследование, опубликованное ранее, «К вопросу о сущности правосудия»//– ж. «Адвокат» – 2006 г- №3 стр.19—23

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.